

- Может, сначала послушаем, как ты поёшь?

- Да.

Повернувшись лицом вперёд, я увидел учителя Ку Мин Ки.

Время урока. Прошло уже две недели с тех пор, как мы были в одном классе, но после нескольких приветствий мы сразу же перешли к проверке. Он проверял моё положение и показывал путь вперёд, потому что именно по этой причине у нас были уроки.

- ...

Стоя там с легкой нервозностью, я медленно начал петь песню, которую приготовил.

Утренняя песня, Mattinata.

После многократных тренировок с Ли Со А на прошлой неделе я почувствовал, что она естественным образом прилипает ко рту. Практика была очень эффективной, потому что песня росла естественным образом, как будто она была прикреплена к моему телу.

Она ощущалась немного душащей и стесняющей, когда исполнялась, но... это потому, что я всё ещё недостаточно опытен?

- L'amor!

Наклонив голову, я закончил песню и перевёл взгляд на учителя Ку Мин Ки, но атмосфера вокруг него была немного странной. С довольно удивлённым выражением он смотрел на меня, и только когда я оглянулся, моргая глазами, учитель Ку Мин Ки изменил выражение своего лица.

- Угум, хорошо. Ты, должно быть... много тренировался.

- Ах, да.

Я думал, почему он был таким, когда учитель Ку Мин Ки медленно начал добавлять новые слова.

- Студент Чо Юнчэ. Сколько лет ты занимаешься пением?

Он задаёт ещё один трудный вопрос. Избегая смотреть в глаза свирепому учителю, я изо всех сил напрягал мозги.

Давай посмотрим. Если говорить честно, что я занимаюсь пением двадцать лет... но тогда это будет звучать странно, ведь мне всего девятнадцать лет (1). Если только я не начал петь из утробы матери... или, скорее, из тела отца, это не имело никакого смысла.

Затем...

После быстрого подсчёта я дал ответ, который не показался бы странным.

- Это... около десяти лет, я думаю.

- Хмм...

Учитель Ку Мин Ки пристально посмотрел на меня глубоким взглядом и вдруг улыбнулся. Усмехнувшись, он уставился на меня, как на сундук с сокровищами, и заговорил:

- Ты сказал, что официально не изучал вокализацию. Ты использовал один метод вокализации, изучив его самостоятельно, что означает, что тот, который ты узнал совсем недавно, будет тем, что ты опробовал впервые в своей жизни.

- Э-э... да.

Когда я ответил глухим голосом, чувствуя, что окружение становится несколько зловещим, учитель Ку Мин Ки внезапно положил обе руки мне на плечи и встретился со мной взглядом.

Должен признать, что это действительно неудобно.

Глядя на меня, который вытягивал шею, как черепаха, учитель Ку Мин Ки продолжал свои слова с жаром:

- От этой привычки, которая длилась десять лет, студент Чо Юнчэ избавился за две недели.

Э-э... так оно и есть? Но на самом деле прошло меньше месяца с тех пор, как я начал использовать это тело, так что это было не так уж трудно, хотя... пока я моргал глазами, слова быстро вырывались из его рта.

- Студент Чо Юнчэ. Знаешь ли ты, почему привычка называется привычкой? Бессознательно, даже не думая, тело делает это – вот что такое привычка. Для быстрого выполнения действия мозг создает своего рода каркас.

Не сводя глаз с меня, который закатывал глаза, чтобы избежать зрительного контакта, учитель Ку Мин Ки продолжил:

- Причина, по которой эта привычка важна, проста. То, что делает исполнитель во время пения, можно разделить на десятки действий - высота нёба, форма рта, расположение языка, высота гортани... всё это невозможно контролировать сознательно, так как есть предел многозадачности.

Постукивая себя по голове, он уставился на меня.

- Вот почему с вокализацией мы фиксируем это как привычку. В каком состоянии должно находиться тело, чтобы создать самый красивый звук? Выяснив это, мы делаем приблизительное среднее значение всех этих аспектов и группируем их вместе, и после десятилетий работы он становится активом исполнителя под названием "вокализация".

- Ах, - я уже начала смущаться. Я же не мог сообщить: "это потому, что я путешествовал назад во времени!". Когда я крепко зажмурился, учитель тихо прошептал:

- И всё же быть в состоянии изменить это всего за две недели...

Руки, схватившие меня за плечи, ушли, и, сделав несколько быстрых шагов назад, учитель коснулся подбородка. Поразмыслив немного в таком состоянии и медленно расхаживая по классной комнате, он открыл рот:

- Студент Чо Юнчэ. В мире существует бесчисленное множество песен. Опера, где можно петь во время выступления, Арии с простым пением и оратории с главным акцентом на хоры... Если бы мы сказали, что есть тысяча песен, сколько песен мог бы спеть один оперный певец, как ты думаешь?

Не похоже, что он действительно хотел услышать ответ, поэтому я просто уставился на учителя. Изобразив на лице улыбку, он ответил:

- Считалось бы большим счастьем, если бы он мог петь сотню из тысячи. Темнота или яркость тембра и стиля вокализации... после согласования всех этих аспектов песни, которые можно петь, становятся ограниченными, и в конце концов он может только повторять песни, которые пел раньше.

Учитель Ку Мин Ки внезапно остановился.

- Но если бы можно было изменить стиль вокализации, чтобы он соответствовал песне?

Улыбнувшись, он быстро добавил:

- Тёмный тембр для тёмных песен; светлый тембр для светлых песен. Если бы можно было точно выяснить, каковы были намерения композитора, и легко изменить стиль вокализации, чтобы соответствовать этой цели!

Извергнув слова, как бушующий шторм, учитель вдруг сделал мечтательное выражение лица. Тупо уставившись в воздух, он заговорил:

- Тогда было бы возможно спеть тысячу песен в одиночку.

- ...

Я видел прозрачные глаза, которые, казалось, были покрыты тонким слоем льда. Как только эти глаза встретились с моими, он заявил:

- И он станет небывалым оперным певцом.

* * *

- ...

Небеса бросают вызов...

Оперный певец, который мог бы обеспечить точный стиль вокализации, о котором мечтал композитор. Может ли такой человек действительно существовать?

Я понятия не имею - по крайней мере, я никогда не видел такого человека. Вокализация была чем-то выстроенным и отшлифованным по крупитцам, а не чем-то, что менялось небрежно, как маска.

Однако учитель Ку Мин Ки сказал, что я смогу это сделать. На самом деле, хотя я не был уверен, было ли это из-за путешествия во времени, я изменил свою вокализацию довольно быстро, и я чувствовал, что можно легко вернуться к предыдущему методу вокализации, достаточно лишь подумать об этом.

Это означало, что у меня самого было по меньшей мере два стиля - учителя Квак Чон Су и учителя Ку Мин Ки.

Даже от этого репертуар песен, которые я мог бы петь, расширялся бы экспоненциально.

Затем...

- Юнчэ, ты что не ешь?

Придя в себя после глубоких раздумий, я увидел, что Хлоя весело улыбается мне сбоку.

Ах, да, было время обеда.

Подняв голову и оглядевшись, я увидел, что дети шумно едят – Но Чу Соп, уткнувшийся носом в поднос справа от меня, Ли Со А и Со Ми Нэ препираются и болтают, Хан Та Сом украдкой поглядывает на меня, а Хлоя, опустошив свою тарелку, пристально смотрит на меня.

Увидев эти сверкающие зелёные глаза, я улыбнулся и ответил:

– Да. Мне нужно кое о чём подумать, а есть не хочется.

– Тогда дай мне, пожалуйста!

– Ладно.

– Хухуху!

С сияющей улыбкой Хлоя неуклюже взяла палочками последний кусочек креветки с красным чили. Затем она широко открыла рот, прежде чем положить его в... она действительно любит есть ха.

Увидев, что она усердно жуёт, я заговорил:

– Ты так ешь, и всё же ты очень стройная.

– Стройная?

Поскольку Хлоя наклонила голову, я любезно повторил это по-французски.

– [Не толстая.]

– [Ху-ху. Я не так легко толстею здесь.]

С усмешкой Хлоя протянула руку, давая мне знак прикоснуться, и я понял, что она сказала правду. Она была такой худенькой, но мои глаза, отражающие чистый поднос, тоже не обманывали меня.

Куда девается вся эта еда?

Удивляясь необычности человеческого тела, я пододвинул к ней поднос. Я принёс много еды намеренно, чтобы как следует поесть, но, возможно, потому, что Спурт роста ещё не ударил

меня, было трудно прикончить всё это. По крайней мере, я смог вырваться из бедственного состояния месяц назад и был больше похож на нормального человека, но...

Вероятно, потребуется больше семестра, пока вся фигура не увеличится в размерах. Думая об этом, я осмотрелся вокруг, прежде чем остановить свой взгляд на Ли Со А, которая ела, просматривая свои заметки.

Она действительно единственная в своём роде.

1. В Корее возраст начинают считать с момента зачатия, так что по западным меркам Юнчэ сейчас восемнадцать лет.

<http://tl.rulate.ru/book/39225/1244140>